

Juvenology: Problems of Formation of the Theory of Juvenility

Val. A. Lukov

Institute of Humanitarian Studies, Moscow University for the Humanities, Moscow

В статье критически рассмотрены аргументы, выдвигаемые в защиту создания новой науки — ювенологии, и опыт ювенологических исследований, показаны возможные пути развития междисциплинарных исследований молодежи и их теоретического осмысления.

The paper criticizes the arguments in defense of the new scientific trend — juvenology. The experience of juvenile research and possible ways of promotion of inter-discipline investigation of youth and their theoretical comprehension are shown.

Ювенологией (или также ювентологией, юнологией) уже достаточно часто называют «науку о юношестве, молодежи», производя этот термин из сочетания латинского слова *juventilis* — молодость и греческого *logos* — учение. Основание для создания новой науки (или научной дисциплины) со всей определенностью сформулировал один из ее активных сторонников В. В. Павловский: «Стихийно идущий в различных научных дисциплинах процесс накопления разнопредметных знаний о молодежи в конечном итоге не позволяет получить обобщения такого уровня, в которых нуждается общество, не позволяет добиться эффективного практического и прогностического применения имеющихся знаний, даже когда в этом есть повышенная потребность» [1]. Можно к этому добавить, что выдвижение идеи о создании ювенологии — одна из попыток преодоления теоретической сложности изучения молодежи как комплексного объекта исследований. Согласно позиции, разделяемой представителями ювенологии, она представляет собой новую научную парадигму, в основе которой лежит интегративное направление: системное междисциплинарное исследование подрастающего поколения в широком спектре взаимосвязей с окружающей средой. Ювенология в такой трактовке «аккумулирует и синтезирует знания о становлении молодого поколения, процессах формирования зрелой личности, накопленные, осмысленные и обобщенные многими известными учеными и научными школами, а также дисциплинами, которые обладают уже достаточно высоким уровнем институционализации» [2]. В числе таких дисциплин называются медицина, педагогика, демография, социология, этнография, психология, экономика, право; ювенология также стремится опираться на данные подростковой медицины, валеологии, психоло-

гии семейных отношений, социальной работы и др. Ювенологический проект становится в России все более популярным. Большую роль в этом играет петербургская школа исследователей молодежных проблем, а более всего Е. Г. Слауцкий, опубликовавший ряд работ о ювенологии и ставший инициатором создания Национальной академии ювенологии (создана в 1996 г. первоначально под названием Академия ювенологии), в которой представлены ученые и практики из 25 городов России [3].

Надо подчеркнуть, что стремление к комплексному изучению молодежной проблематики проявилось довольно рано, и уже в первых специальных работах о молодежи обнаруживается тенденция к применению для исследования методов разных наук. Теории молодежи со своего зарождения в начале XX века обладали признаком мультидисциплинарности. Книга Г. Стэнли Холла «Молодежь» (1904), которую можно характеризовать как первое системное изложение теории молодежи, имела в заглавии показательное уточнение: «ее психология и ее отношение к психологии, антропологии, социологии, сексу, преступности, религии и образованию» [4]. И другие ранние теории молодежи, например представленные в трудах К. Грооса «К психологии молодежи переходного возраста» (1912), Ш. Бюлер «Душевная жизнь юных» (1922), Э. Шпрангера «Психология юношеского возраста» (1924) [5], обладают этим же мультидисциплинарным свойством, даже если в названиях обозначена связь с одной наукой (чаще всего с психологией). Не удивительно, что в современной социологии молодежи эти авторы без каких-либо оговорок рассматриваются как родоначальники теоретического осмысления феномена молодежи, что означает обнаружение в их трудах социологического содержания. Но мультидисциплинарность в теориях мо-

лодежи начала XX века — это скорее результат незавершенности процесса дифференциации наук, проявление своего рода научного синкретизма в изучении человека и общества, который впоследствии был отвергнут в пользу узко специализированного знания.

Узкая специализация в исследованиях молодежи стала осмысливаться как бесперспективная в период студенческого бунта 1960-х годов, и уже в начале 1970-х годов звучали призывы к формированию интегральной науки о молодежи (или о молодости), и они привели к появлению теорий ювенологии, претендующих иногда на статус самостоятельной науки.

Одним из первых вопросов в этой плоскости поставил польский социолог Владислав Адамски [6]. Он исходил из признания как определенной специфики молодежи (но подчеркивал при этом ее дифференциацию по социально-классовому признаку), так и особенностей ее исследования, невозможного в полном объеме в рамках какой-либо одной из имеющихся наук. Тогда же с довольно близкой аргументацией в пользу ювенологии высказывался австрийский социолог Леопольд Розенмайр, влияние которого на концептуальное развитие социологии молодежи, впрочем, как и на тематику и характер интерпретации эмпирических исследований в этой области социологического знания, в конце 1960-х — начале 1980-х годов было значительным [7]. Позже аналогичную позицию заняли польский ученый С. Мика, болгарский — Б. Нимерко и др. Наиболее последовательными в этом отношении были болгарский исследователь К. Господинов и румынский ученый Ф. Малер, автор книги «Введение в ювентологию» [8]. Малер развил идеи К. Манхейма и Л. Розенмайера о статусно-ролевой природе молодежи и проинтерпретировал «Статус-Роль» в качестве интегральной модели молодежи. Ее преимущество виделось автору в том, что «Статус-Роль выражает позицию и отношения одного социально-исторического коллективного субъекта (в нашем случае — молодежи) к другим субъектам и обществу в целом» [9]. На этой базе, согласно рассматриваемой концепции, могут быть преодолены негативные эффекты психологизации социологии молодежи, в частности психологический редукционизм, присущий многочисленным исследованиям по молодежной проблематике.

Стремление создать комплексную науку о молодежи в большинстве случаев свелось к более широкому представлению о социологии молодежи (что представляется вполне закономерным — с учетом развития социологического знания). По такому пути пошли, в частности, Адамски, Розенмайр, Малер. К. Господинов, представивший ювентологию как научный синтез «общей теории социализации и общей теории реализации», признал за ней статус науки опять-таки социологического порядка: для него ювентология — это гипотеза о выделении предельно широкой биосоциальной (социобиологической) науки о молодежи и молодом человеке, в которой структуроопределяющим моментом является социология молодежи [10]. Пожалуй, дальше всех пошел Малер, который в своих разработках представлял позицию

сторонников «скачка от многосторонности к глобальному единому системному изучению» молодежи [11].

В целом и у Малера, и у Господинова, и у других сторонников ювенологии не доставало аргументов для выделения науки о молодежи в комплексе социальных наук, во всяком случае исходя из сложившихся в науковедении критериев. Хотя, впрочем, не исключено, что сами эти критерии с течением времени могут быть уточнены или даже пересмотрены в силу развития исследований неоднородных социальных объектов.

Таким образом, когда ювентология в 1990-е годы начала у нас институционализироваться, ее главные идеи уже были обозначены и в отечественной, и в мировой науке. Концептуальная сторона ювентологии в книге «Ювентология и ювенальная политика в XXI веке» (2004) излагается следующим образом. Ювентология представляет собой системное знание о становлении, взрослении и развитии человека как живого организма (физиологический аспект), становлении «*Homo sapiens*» — живого организма с развитым мышлением (психоэмоциональный и социально-психологический аспекты), формировании его как полноценного члена общества посредством воспитания, образования, социализации (социальный аспект). Эта наука изучает молодое поколение как в онтогенезе, так и филогенезе, т. е. исследует механизмы биосоциального (медико-биологического) взросления, становления и духовного развития личности молодого человека, а также соответствующие изменения — детей, подростков и молодежи как демографической группы. Ювентология «представляет собой новое комплексное междисциплинарное знание о взрослении, становлении и развитии молодого поколения в диалектическом единстве социального, духовного и биологического начал, базирующихся на общности процессов воспитания, образования и социализации молодежной популяции в целях стратегического развития России на долгосрочную перспективу» [12].

Появление ювентологии авторами книги связывается как с внешними (геополитическими, экономическими, социальными), так и внутренними (внутринаучными) факторами. «К внешним факторам относятся сложность и динамичность современных преобразований общественной жизни, будущее которой во многом определится качеством молодого поколения, «молодежным фактором». Основным внутринаучным фактором становления ювентологии выступает диалектика познания. Современное познание в третьем тысячелетии вновь характеризуется интеграционными процессами, возвращением к целостности представлений о мире, но уже на новой научной основе — комплексном и междисциплинарном знании. Поэтому появление ювентологии обусловлено объективно как результат интеграционных процессов современного научного знания, проявившихся достаточно рельефно в последние десятилетия, а также как итог исследовательского поиска последних 40 лет в области изучения разнообразных проблем подрастающего поколения — детей, подрост-

ков и молодежи, а также семьи как социального института» [12].

В рамках интеграции современного гуманитарного знания аргументы российских ювенологов убедительны. Их позиция представляется столь естественной, что ее нет необходимости слишком упорно доказывать. В чем же трудность? Почему при очевидной мультидисциплинарности молодежных исследований идея ювенологии не становится общепризнанной?

Для этого, по всей видимости, есть несколько оснований. В первую очередь следует учитывать, что к молодежной проблематике исследователи приходят, получив профессиональную подготовку в давно сложившейся системе специальностей, где границы между науками сохраняются. Разумеется, имеет значение и фактор обособления и конкуренции научных школ и направлений. Связь признания научных парадигм с отношениями в научных сообществах, как показал еще Томас Кун, существенна. Тем более заметны ее проявления в пограничных областях научного знания. В исследованиях молодежной проблематики этот фактор давно проявляется и заметно влияет на взаимооценки или игнорирование научного творчества «чужих» коллективов и отдельных ученых.

Все же главная проблема — не в этом. Хотя полезность перехода к интеграции молодежных исследований на междисциплинарной основе очевидна, реализовать проект интегральной науки о молодежи оказывается крайне сложно. Во-первых, мультидисциплинарность и междисциплинарность — не одной и той же. Мультидисциплинарность не предполагает, а междисциплинарность — предполагает единство исследовательского процесса, когда на границах между взаимодействующими науками возникают интерфейсы — своего рода интеллектуальные мосты, позволяющие установившиеся границы между научными системами сделать прозрачными и этим повлиять не только на многогранное рассмотрение комплексного объекта исследования (в данном случае молодежь), но и определить пути интеграции наук как таковых. Когда в ювенологических коллективных монографиях о молодежи медик пишет о проблемах здоровья молодежи (называя его «ювенальное здоровье»), криминолог — о проблемах предупреждения подростковой преступности (называя это «ювенальной криминологией»), статистик — о «ювенальной статистике» и т. д., то это исследование можно признать мультидисциплинарным, но не междисциплинарным. Если же нет явного преимущества в исследовании сложного объекта, которое может возникнуть на стыке наук, если мы имеем лишь скоординированную по определенному плану работу специалистов каждого в своей области, то нет серьезного основания отказываться от сложившейся системы наук в пользу ювенологии (как и феминологии, гендерологии, геронтологии и т. д.). Тем более что в интегральной функции применительно к молодежной проблематике сегодня может выступить любая из социальных наук, не связанных, как это было в начале XX века, жесткими граница-

ми по объекту, предмету и методу исследования. А это значит, что функции интегральной науки о молодежи могут выполнять социология (социология молодежи), социальная психология (психология молодежи) и т. д.

Здесь требуется уточнение. Когда говорится о комплексности, междисциплинарности изучения молодежи, не всегда учитывается, что в комплексе наук, даже гуманитарных, в предметную область которых входит молодежная проблематика, те или иные науки представлены неравнозначно. Этому есть, по крайней мере, две причины.

Первая — следует различать проблематику молодости и проблематику молодежи, хотя нередко кажется, что между этими понятиями нет существенной дистанции и речь идет об одном и том же. Действительно, молодежь выделяется из других общностей людей прежде всего на том основании, что ее характеризует молодость и именно это обстоятельство позволяет строить междисциплинарность молодежных исследований с внедрением в области биологии и общей и возрастной психологии. Тем не менее, предмет исследования при обращении к тематике молодости и тематике молодежи совпадает лишь частично. Молодость — свойство индивида на определенной жизненной стадии, в каком-то смысле — также и некоторого сообщества, например организации, но здесь это скорее метафора. Молодежь — совокупность людей определенного возраста и соответствующего социального статуса; выделение этой группы и отношение к ней в обществе связано с культурными традициями и актуальной ситуацией (экономической, политической, социальной и т. д.). Согласно этому теории молодежи, а значит — и молодежные исследования, в большей мере формируются на теоретической платформе одних наук и в меньшей — других.

Вторая причина — разная степень необходимости теоретического оформления молодежных исследований в различных науках. Историки, например, создали немало работ по молодежной проблематике, но для исторического исследования теория молодежи как таковая не слишком нужна. Большее значение имеет теоретическое обоснование отдельных аспектов коллективного исторического действия, связанных с молодежью (например, молодежное движение, молодежная политика). Специфически рассматривает молодежный фактор демография, там само представление о молодежи, молодежном возрасте существенно расходится с видением социологии и психологии. В известной мере теории молодежи дистанцированы и от педагогики, хотя, возможно, это не характеристика науки, а черта нынешнего поколения педагогов-ученых (в современных теориях молодежи, в частности, нельзя игнорировать теоретические идеи А. Дистервега, А. С. Макаренко, Я. Корчака, педологические работы Л. С. Выготского, П. П. Блонского и др. [13]).

В итоге можно утверждать, что междисциплинарность применительно к теориям молодежи имеет определенные границы. Эти границы задаются по преимуществу теоретико-методологическим арсеналом со-

циальной философии, социологии, социальной психологии, культурологии, антропологии, биологии. Другие науки в значительно меньшей степени включены в междисциплинарный комплекс наук о молодежи.

То, что попытки сторонников создания ювенологии (ювентологии, юнологии и т. д.) не оказались удачными именно в обеспечении нового знания на nive междисциплинарности, не должны рассматриваться как порочность теоретического замысла интегральной науки о молодежи. Это скорее результат тех сложностей, с которыми столкнулась сегодня мировая наука при изучении комплексных объектов. Комплексность, эмерджентные свойства, самоорганизация социальных объектов сегодня не может рассматриваться вне связи или вне аналогии с процессами в живой и неживой природе, ставшими предметом новейших исследований и озадачивших научный мир проблемами, подобными тем, что приходилось решать век назад во времена открытия структуры атома и радиации.

Вполне вероятно, что поиск комплексности отечественным ювенолагам видится не там, где ее раскрытие способно двинуть вперед теории молодежи. Сегодня, разумеется, актуально и то понимание комплексности, которое предопределено мультидисциплинарностью молодежных исследований. Но переход от нее к междисциплинарности вряд ли удастся построить на соединении исследовательских стратегий и методов. По видимости это просто, тем более что многие науки давно используют одни и те же методы в различных их модификациях, например, метод опроса. Но даже с учетом этой совместимости методов задача междисциплинарного исследования нетривиальна и на практике может быть осуществлено исключительно через определенные качества отдельных ученых. Иными словами, междисциплинарность представляет в этом случае не столько научную технологию, сколько искусство отдельных многосторонних личностей.

Но главное даже не в этом. Комплексность общественных объектов и социальных процессов сегодня справедливо видеть не в том, что их следует комплексно рассматривать, а в том, что их эмерджентные свойства (те, которые приобретаются только в рамках соответст-

вующей системы, а не являются свойствами элементов этой системы) надо сначала выявить не там, где их ищут в простых системах. Дж. Урри, например, говоря о нестабильности комплексных систем, обозначает следующие их особенности: (а) события и элементы влияют друг на друга; (б) малые причины порождают большие следствия; (в) в период трансформации систем изменения могут быть катастрофическими [14]. Возможно, этот перечень не закрыт тремя названными характеристиками, но и он достаточен, чтобы увидеть перспективные темы молодежных исследований, которые, к сожалению, пока не вызывают серьезного внимания у теоретиков ювенологии.

Очевидно, что эмерджентные свойства социальных объектов находить трудно, и специфика эмерджентности в обществе в том и состоит, что новые явления возникают как бы ниоткуда или с той стороны, с которой их не ожидали. В таком ключе проблемы теории молодежи в ювенологических исследованиях вообще не рассматриваются, между тем укрепление интегральной науки о молодежи было бы возможно, если комплексный подход к молодежи означал бы изучение того, что возникает на совмещении двух систем нестабильности: одной — идущей от нарастания неопределенности в обществе, другой — вытекающей из специфики молодежи как группы с переходным (и непременно утрачиваемым) социальным статусом. В итоге мы получаем объект со свойствами эмерджентности, а значит с неясными границами и слабой предсказуемостью свойств и поведения. Если бы ювенология смогла бы дать теорию и выработала способы исследования такого рода объекта, она не только реализовала свою цель, но и существенно продвинула вперед все гуманитарное познание.

Итак, достижение того уровня комплексности исследований молодежи ювенологами, который декларируется ими и состоит в том, чтобы преодолеть барьеры между науками в интересах получения целостного представления о молодежи остается пока нереализованной задачей. Впрочем, само намерение междисциплинарного исследования способствует расширению исследовательских задач, усилению внимания к взаимодействию наук, изучающих молодежь.

Литература

1. Павловский В. В. Ювентология: Проект интегративной науки о молодежи. М.: Академ. Проект, 2001. 3.
2. Основы ювенологии: Опыт комплексного междисциплинарного исследования / Науч. ред. Е. Г. Слуцкий; Отв. ред. И. В. Скомарцева. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: БИС-принт, 2002. 27.
3. Слуцкий Е. Г. Основы ювенологии и ювенальной политики: история становления, проблемы и перспективы. СПб., 2000; Словарь по ювенологии: 300 терминов / Под общ. ред. Е. Г. Слуцкого, И. В. Скомарцевой; Сост. И. В. Скомарцева, В. К. Криворученко, Е. Г. Слуцкий. СПб.: БИС-принт, 2002; Ювенология и ювенальная политика в XXI веке: Опыт комплексного междисциплинарного исследования / Под ред. Е. Г. Слуцкого. СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2004.
4. Stanly Hall G. Adolescence: Its psychology and its relation to psychology, anthropology, sociology, sex, crime, religion and education. N. Y.: D. Appleton and Company, 1904. Vol. 1—2.
5. Groos K. Zur Psychologie der reifenden Jugend. S. 1., 1912; Bühler Ch. Das Seelenleben des Jugendlichen. Jena: Fischer, 1927; Spranger E. Psychologie der Jugendalters. 25. Aufl. Heidelberg: Quelle & Meyer, 1957.
6. Adamski W. Problemy socjologii mlodziezy // Studia socjologiczne. Wroclaw-Krakow-Gdansk, 1971. 137—154.
7. Rosenmayr L. Introduction: nouvelles orientations théoriques de la sociologie de la jeunesse // Revue internationale des sciences sociales. Paris, 1972; XXIV. Nr. 2. 244.
8. Mabler F. Introducere în Juventologie. Bucuresti, 1983.
9. Ibid. P. 196.
10. Господинов К. Към изследвания на младежките изследвания // Известия НИИМ. София, 1985; Т. IV: 43.
11. Mabler F. Op. cit. 93.
12. Ювенология и ювенальная политика в XXI веке. 668.
13. Луков Вал. А., Луков Вал. А., Ковалева А. И. Уроки Макаренко. М.: Издат. дом «Ключ С», 2006; Луков Вал. А. Воспитание и глобализация: Проблемы социологии воспитания. М.: Флинта; Наука, 2007.
14. Urry J. The complexities of the global // Theory, culture and society. 2005; 22; 5: 235—254.